

Миф и чувство истории. К парадоксу девы Марии

Р. Г. Назиров

Подготовка текста Б. В. Орехова

I.

«Демократическо-революционный дух» раннего христианства, о котором говорит В. И. Ленин в работе «Государство и революция»¹, в значительной степени нашёл своё выражение в концепции Богочеловека.

Уже Дионис, этот умирающий и воскресающий бог, сам себя приносящий в жертву², был любимцем народных масс, а его культ выразителем их чаяний, того «вздоха угнетённой твари»³, которого не слышал Зевс — превознесённый греческий базилей. Но олимпийская религия сумела более или менее ассимилировать крестьянский культ Диониса.

По выражению прекрасного русского поэта Аполлона Григорьева, Иисус Христос был «сын толпы и демагог»⁴: последнее слово употреблено в его исконном значении — «народный вождь». Народ, боровшийся против гнёта Римской империи и коллаборационизма иерусалимской жреческой знати, постепенно обожествил Иисуса. Он есть человек и бог одновременно. Одной из главных проблем становящейся христианской религии стала христологическая проблема, т. е. Вопрос о связи Духа и Тела, о соотношении «двух природ» во Христе. Несколько веков богословы и соборы бились над этой проблемой, и не раз исчерпанность аргументов восполнялась насилием, казнями, кровопролитиями.

Новая религия отказалась от арианского, «логического» решения этой проблемы в пользу невыразимой тайны. Справедливо ли считать это отказом от логики вообще? Думается, христианство осознало внерациональность бытия, хотя «вслух» провозглашало абсолютную разумность мироустройства. Сегодня мы сознаём, что познанная нами часть вселенной невелика и что «сущее не делится на разум без остатка» (Гёте). Нам смешна страусиная поза пифагорейцев, которые открыли иррациональные числа в математике, скрыли от современников эту скандальную тайну. Гармонизирующее мышление боялось иррациональности в природе как некоего вселенского безумия: неужто тайной столь музыкального космоса остаётся незримый хаос?

Христианство дерзнуло взглянуть в лицо необъяснимому. Уже ранняя патристика совершила важные нововведения в философии. Согласно Этьену Жильсону, начало христианской философии в целом характеризовали объективизм, интеллектуализм, универсальность

¹ Ленин В. И. Полное собр. соч. Т. 33, с. 43.

² См. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., «Искусство», 1979, с. 380 – 381.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения

⁴ Григорьев А.

и финитизм (мышление в категориях законченности). Христианская философия прежде всего вводит проблему творения и решает её как *Creatio ex nihilo*, в полном противоречии с теми итогами античной мысли, к-рые суммировал Лукреций (*ex nihilo nihil*); далее она вводит проблему бесконечности: для греков совершенством был законченность, христиане же признают совершенством именно бесконечность, ибо бог одновременно совершенен и бесконечен. По-новому решается проблема отношения бога к миру. Для греков мир или происходит от бога и тогда должен быть совершенным, или мир несовершенен, но тогда он не может происходить от бога («доказательство Эпикура», в рамках античного мышления неотразимое). Для христиан *tertium datur*: мир целиком происходит от бога, но не имеет его божественной природы. Библейская тема грехопадения получила специальное развитие христианской идее о порче всей природы падением Адама.

Блаженный Августин восстал против интеллектуализма и объективизма языческой философии, провозгласив примат воли над разумом и примат познания души над познанием внешней природы.

В ряду этих новаций стоит и концепция Богочеловека. Сын Божий реально страдал на кресте и умер в мучениях; известные проявления его слабости и тоски не отменяют того, что земное воплощение и принесение себя в жертву за людей избраны им по доброй воле, что он столь же всемогущ, как и Отец; Логос столь же вечен и трансцендентален, как Иегова. Поэтому приход Иисуса на землю, его воплощение необходимо было очистить от языческого натурализма.

Потребность в таком очищении свойственна не одному христианству. Так, Дионис рождён не матерью, а отцом: после гибели Самелы Зес зашивает плод себе в бедро, донашивает и своевременно «рожает» сына. Надо признать, что это оригинальная выдумка, но слишком уж нарочитая. Зато Будда, «зачатый в лотосе», сам избрал родителей для своего земного воплощения. Царевне Майядеве приснилось, что в её лоно вошёл белый слон (высший символ священной красоты для Южной Азии); сновидение было истолковано как знак того, что ей предстоит стать матерью великого человека, и символически эквивалентно христианскому Благовещению. По нек-рым легендам, царевич Сиддхарта, впоследствии названный Шакья Муни, появился на свет из подмышки Майядеву. И поэтические мифы ищут очищения от натурализма, впадая в тон волшебной сказки.

Миф о непорочном зачатии появился и в митраизме.

Христианство серьёзно отнеслось к очищению миф о Воплощении. Из его борьбы против религиозного натурализма античного мира возникла концепция непорочного зачатия, весьма отличная от «чудесных зачатий» мирового фольклора, к-рые всегда мыслились как случайные (от съеденного плода, от купанья в реке и т. д.).

Непорочное зачатие Иисуса Марией мыслится как поворотный пункт мировой истории и торжественно провозвещается девушке архангелом Гаврилом. С точки зрения окружающих людей, у Марии есть муж, но почтенный Иосиф Обручник не будет отцом Христа. Ещё одна особенность — Мария и после рождения Христа осталась Девой.

Этот парадокс вызывал ожесточённые споры. Каким образом принесение плода не уничтожило цвета? В IV веке большинство христиан разделяло мнение основанное на одном сообщении евангелиста (Матф., 1, 25), что Мария после бессемянного зачатия и рождения Спасителя находилась в браке со своим обручником Иосифом и имела от него детей. Против этого толкования яростно восставали крупные светила церкви, объявившие его «произвольным». Августин заявил, что из благоговения к Марии не хочет обсуждать этот вопрос; однако созидание догматики потребовало от него ответа.

В V веке патриарх Несторий в процессе христологических споров провозгласил, что Логос был предвечно рождён от Бога, но в Сыне Божиим божественная природа соединилась с человеческой только нравственно: Иисус был человеком, к-рый стал Христом через наитие Святого Духа, а Логос пребывал в нём лишь в относительном соединении. Расчленив Богочеловека на Слово Божие и человека Иисуса, Несторий с неизбежностью пришёл к выводу, что Мария — это вообще не Богородица (ибо Логос не может «родиться» от женщины), а «человекородица», мать человека Иисуса.

Эта доктрина вызвала совершенно неистовую реакцию. Эфесский собор (431) осудил эту ересь и низложил патриарха, к-рый вскоре умер в Ливийской пустыне; в том же 431 году начался массовый исход несториан на восток. В родной стране, да и во всём христианском мире их или мучили так, что несториане большими толпами бежали в Иран, а иные добежали до Китая. Именно после разгрома несторианства наименование Марии Богородицей (Фетокос), встречающееся уже у Афанасия Великого, становится общепотребительным.

Христиане утвердились во мнении, что Мария — несомненная Матерь Божия и Приснодева. Для Иоанна Дамаскина уже явно, что «зачатие произошло, конечно, через слух, а рождение — через обыкновенное место для выхода тех, к-рые рождаются», но Мария осталась девственной и после родов, ибо младенцу Иисусу вполне доступно «пройти через врата и не повредить печатей их»⁵.

Девственность Богородицы не нуждается в аналогиях житейского опыта, она исключительна как само Воплощение. Христианство утверждает беспримерность, уникальность центрального События мировой истории.

Но вернёмся к истокам культа Марии. Как сложился парадоксальный образ Матери-Девственницы? Историки древних религий указывают, что культ богини-матери связан с аграрными культами с религиями плодородия, и что он был распространённым на Ближнем Востоке, особенно у земледельческих народов: это египетская Исида, вавилонская Иштар, малоазийская Кибэла; к ним близка и греческая богиня Деметра, в классическую эпоху считавшаяся матерью девственной богини Керы-Персефоны, похищаемой Аидом. Культы этих богинь-матерей включают обычно представления об их возлюбленных и мужьях — умирающих и воскресающих богах, а с этими богами — мистерии и празднества природного круговорота, календарные обряды; смерть бога означает зимнее омертвление природы и вле-

⁵ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб, 1894, с. 230.

чѣт за собой его оплакивание и погребение божественной супругой; весной торжествуется воскресение Бога.

Культы этих богинь-матерей были натуралистическими, нередко даже эротическими; великие богини любили кровь, нек-рым из них в древности приносились человеческие жертвы; реликтами этих жертв долгое время оставались такие черты культа, как например, самооскопление жрецов Кибэлы.

Из языческих богинь-матерей ближе всех к образу Марии стоит кроткая Исида, любимейшая богородица Средиземного моря в эпоху эллинизма. Осирис, Исида и их сын Гор уже составили «святой семейство»; полагают, что бесчисленные изображения этой семейной триады повлияли на христианскую иконографию. Дружна маленькая семья Осириса, Исиды и Гора несравненно теплее и интимнее, чем разгульная и сварливая семья олимпийского Зевса, в которой Гомер так насмешливо раскрыл интриги греческого гинекея.

Но Исида далеко не девственна; та добрая и сострадательная к людям египетская богородица стала женою своего брата Осириса ещё в материнской утробе (отражение и в то же время религиозно-мифологическая санкция браков фараонов с сёстрами). В целом миф об Осирисе и Исиде не мог служить истоком христианского мифа.

Древность знала девственных богинь и почтение перед девственностью, но блистательно-холодные «приснодевы Олимпа» Афина и Артемида безжалостны к людям и принципиально бесплодны. И олимпийская религия, и эллинистические культы подчинялись закону «исключённого третьего»: либо натуральная супруга и любящая мать, либо гордая девственница в своём блестящем одиночестве, *tertium non datur*. Но выше уже отмечалось, что христианское мышление взрывает классическую логику, для него *tertium datur*, Мария — и Пречистая Дева, и Богоматерь.

Предистория этого образа скрыта в той же античности, однако для правильного понимания этой предистории нужно сначала отрешиться от образов богинь и крепко помнить, что Дева Мария — это не богиня.

II

Уже около 200 года в апокрифе «Книга о рождестве Марии» было зафиксировано раннехристианское предание, по-видимому, доевангельскую стадию христианской мифологии⁶. Мария происходила из мессианского колена Иуды, смешавшегося со священническим коленом Левия, из к-рого происходил пророк Моисей. Более того, она принадлежала к царскому роду Давида; её родители — праведники Иоаким и Анна, дожившие до пожилого возраста бездетными. В том, что Мария происходит из царского и жреческого родой, — ключ к загадке её образа.

Предание говорит о воспитании Марии в обстановке особой ритуальной чистоты и о введении во Храм: с трёх лет она воспитывается при Иерусалимском Храме, служа его святыням, занимаясь рукоделием и получая пищу из рук ангелов. К двенадцати годам она

⁶См.: Аверинцев С. С. Мария. — В кн. Мифы народов мира. М., 1982. Т. II, с. 111–112.

даёт обет вечного девства. Однако совершеннолетняя девственница не может оставаться при Храме, и для Марии ищут супруга, к-рый охранял бы её, не прикасаясь к ней и уважая её обет; по чудесному знаменю из неск-ких претендентов выбран престарелый Иосиф. Начиная с Благовещению, апокриф в основном совпадает с евангельским текстом. Архангел Гавриил возвещает нетронутую супруге Иосифа, что ей предстоит родить от Духа Святого сына, облечённого достоинством Мессии; ей обещано чудо девственного материнства.

В этом предании высокое происхождение Марии, данный ею обет девственности и её предназначенность к мистическому браку образуют характерный комплекс девственной жрицы.

Иудейская религия не знала женского жречества. Правда, в Ветхом Завете видны отражения архаического женского шаманства (пророчица Дебора, аэндорская колдунья); обряд обрезания учреждён женой Моисея — Сепфорой Маданитянкой. Но зрелый иудаизм характеризуется строгой патриархальностью.

Однако христианство формировалось на периферии иудаизма и в оппозиции к догматизму его жрецов. Иисус происходил из многоязычной Галилеи, где евреи составляли менее половины населения, уступая совокупной численности греков, эллинизированных арабов и финикийцев. Глубокая связь христианства с кипучей, неустоявшейся культурой эллинизма — общепризнанный факт; нельзя исключить и непосредственные восточные влияния на генезис христианства, и в частности влияния аграрных культов. Поэтому в христианстве происходит частичный реванш матриархальности.

Поскольку он совершается внутри иудейской религиозной традиции, реставрированная на своём троне Великая Мать встречается с феноменом исключительности Бога-Отца; еврейский монотеизм нарушим. Она может быть супругой этого ревнивого Бога, но отнюдь не богиней. Требуется компромисс, дающий возможность соединения противоположностей.

Компромисс поначалу вырабатывался под влиянием восточных традиций, в частности вавилонской традиции, к-рую евреи всегда ощущали как враждебную, но которой столь многим обязана Библия. Как известно, на вершине башни Этеменанки, главного зиккурата Вавилона, находилась опочивальня «невесты бога», о чём рассказывает Геродот:

«На последней башне есть большой храм, а в храме стоит огромное прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакой статуи, однако, в храме нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, кроме одной только туземки, к-рую выбирает себе божество из числа всех женщин. Так рассказывают халдеи, жрецы этого божества.

Они же говорят, чему я, однако, не верю, будто божество само посещает храм и отдыхает на ложе; нечто подобное точно таким же способом совершается в египетских Фивах, по словам египтян; и там будто бы ложится спать женщина в храме Зевса Фивского, причём ни вавилонянка, ни фивянка не имеют, говорят, вовсе сношений с мужчинами»⁷.

Такова была ieroгамия («святой брак»), т. е. Иллюзорный брак девственной жрицы с богом — в Вавилоне с Бэлом, в Фивах с Амоном. В египетских текстах эта жрица называ-

⁷ Геродот. История.

лась «божественной супругой». В городах двуречья, где иерогамия процветала тысячи лет, невестами богов избирались обычно дочери и сёстры царей. В различных формах иерогамия имела едва ли не всемирное распространение. Необходимым условием иерогамии была девственность жрицы (только в позднеегипетском, уже формалистическом культе Амона его «божественной супругой» стала считаться жена фараона); небесной супруг требователен и ревнив.

Римские весталки в течение тридцати лет соблюдали целомудрие, нарушение к-рого каралось жестоко; после этого срока их служение кончалось, и они могли выйти замуж. По сей день в Непале исключительную культовую роль играет кумари — девочка, избираемая за красоту в «живые богини»; при первых признаках начинающегося созревания её заменяют, и кумари может выйти замуж, однако ни один смельчак не рискнёт на ней жениться: брак с кумари приносит несчастье, её муж скоро умрёт. Смысл этого суеверия ясен из контекста.

Несмотря на строжайшие запреты, девственные жрицы иногда становились матерями; мифы отражают последующие злоключения и этих жриц, и их детей. С последними обращались чрезвычайно осторожно, поскольку никто не знал, являются ли эти младенцы плодами прегрешения или визита божества. Обычно детей этих жриц спускали на воду в корзине или в ящике (ковчеге). Такова предистория аккадского царя Саргона, к-рый в своей знаменитой надписи многозначительно заявляет, что отца своего не знал; в раннем иудаизме Моисей считался сыном Яхве и женщины из колена Левия, т. е. из жреческого рода; обречённая на девственность и запертая в башне агросская царевна Даная родила от Зевса, принявшего «вид» золотого дождя, великого героя Персея; весталка Рея Сильвия от бога Марса родила близнецов Ромула и Рема. Древний мир привык к тому, что если наиболее стерегомые девы всё-таки рожают, то обязательно сыновей с исключительной миссией: героев, пророков, зиждителей царств.

Сопоставление евангелий с их культурно-мифологическим контекстом делает возможным предположение, что еврейские диссиденты I века сначала объявили одного из своих лидеров Иисуса Назорея сыном Яхве и земной девушки из жреческого рода. Они были простые, неучёные люди; не случайно одна из первых иудео-христианских сект называлась «эбионим» («бедняки»); книжная традиция кумранитов, по-видимому, не затронула Галилеи. С той же наивной дерзостью, с какою повстанцы 117 года объявили своего вождя Симона «Сыном Звезды», их деды провозглашали Иисуса полубогом, а его мать — избранницей Яхве.

Более правоверные иудеи склонны были видеть в Иисусе «возвратившегося на землю» давнего пророка — одного из великих пророков Израиля. Это было осторожнее, чем считать его натуральным сыном Яхве, но именно в такой форме идеологии первохристиан была привита идея инкарнации, т. е. земного воплощения неземного существа. Около этой проблематичной фигуры в фольклоризированной биографией, в к-рой историчными представляются лишь сам факт проповеди Иисуса и его крестной казни, стали группироваться

дорогие сердцам земледельцев мотивы ближневосточной мифологии умирающих и воскресающих богов.

Когда в разработку мифа вмешались книжники диаспоры, знакомые с писаниями Филона Александрийского, религиозный фольклор иудео-христиан начал превращаться в евангелия. Образованные евреи, сочетавшие вульгаризованный платонизм Филона с благоговением перед Торой, должны были испытывать ужас и смех, когда слышали рассказы о браке Яхве с Девой Марией. Ведь Яхве принципиально одинок, представление его в понятиях брака, семьи, генеалогии — это языческая мерзость, и никакой жены, никакой избранницы у Яхве быть не может. Возникла головоломная проблема: христианство настаивает на том, что Иисус был Сыном Божиим, Мессией; иудейская традиция не может помыслить брачного союза Яхве. Отсюда необходимость Третьего Лица для воплощения Сына Божия.

Возможно, язвительная критика гностиков способствовала отказу раннехристианских идеологов от слишком «телесных» галилейских легенд. В процессе спиритуализации новой религии представление о браке Бога-Отца с своею жрицей было отвергнуто в пользу чуда; антропоморфный бог, наделённый родительской функцией, как какой-нибудь Зевс, был с негодованием отброшен и заменён Святым Духом, символами к-рого в древности были огонь и вихрь (отнюдь не голубь).

В евангелиях ещё нет понятия Троицы, а отношения Святого Духа к Отцу и сыну остаются неопределёнными. Ясным стало одно: трансцендентальность Сына Божия (Логоса), равняющая его с Отцом, не предполагает столь же предвечной (трансцендентной) роли материнства. Логос «был у Бога» с самого начала, Отец и Сын предвечны безотносительно к родительским функциям. Иерогамия девственной жрицы с Яхве превратилась в мистический брак Девы со Святым Духом, к-рый, однако, ещё не скоро был возведён в статус божества: даже в IV веке, разрабатывая (на базе неоплатонизма) учение о Троице, Василий Великий и Григорий Назианзин избегали называть Святого Духа богом.

Отметим ещё раз: с точки зрения древних, чудесное зачатие было редким, но вполне понятным явлением и вело к самым натуральным родам. В христианской религии непорочное зачатие — уникальный акт мировой истории⁸; для его отличия от натуралистских мифов не просто желательны, а необходимы сверхестественные, противоразумные детали. Поэтому платоническая мистика естественно вошла в христианство — уже в евангелии Иоанна.

Сочетание в Марии девственности с материнством представляет собой параллель к сочетанию двух природ во Христе. Архетип Великой Матери — это мечта о ласковой природе; но только девственность духовна, ибо с точки зрения патриархальной морали секс неизбежно унижает женщину. Приснодева есть компромисс между любовью к матери и презрением к женщине, фантастическое решение противоречий патриархального сознания. Легко нам

⁸Католицизм разрушил цельность мифа, приняв в 1854 г. новый догмат о рождении самой Девы Марии от непорочного зачатия; тем самым она опасно приближена к божественному статусу и греко-православная церковь имеет свои основания критиковать католический «марианизм». Два непорочных зачатия вместо одного — это возврат к народным сказкам.

сегодня изобличать непоследовательность этого решения, но в своё время благодаря этой фантастичности открылась возможность одухотворить подвиг материнства.

С развитием культа Девы народные массы сделали её своей небесной заступницей. Эрве Базен напоминает, что апостол Павел рекомендовал «не касаться женщины», что возникал вопрос, есть ли у женщин душа, что женщинам был закрыт доступ к духовному званию. «Не случайно мать Спасителя — дева Мария, а девственность для христиан остаётся признаком особой добродетели (к-рая в любом, даже брачном, союзе неизбежно оскверняется)»⁹. Все эти совершенно справедливые указания не могут «отменить» того факта, что образ Марии имел огромное гуманизирующее значение и более тысячи лет вдохновляет искусство, вплоть до «пролетарских» и «партизанских мадонн» советской живописи.

Развитие древних архетипов в литературе и искусстве — вопрос известный; искусство было самым наглядным модусом продолжения жизни мифа. Гораздо сложнее феномен реактивации мифа в исторической практике. Мы ещё не умеем рассматривать культуру как сложный комплекс, видеть синхронию разных культурных стадий внутри единой системы.

Трудность в том, что современная культура состоит из разновременных элементов, наше сегодня складывается из эпох, не понимающих друг друга, а интеллектуалисты рассуждают так, словно землю населяют одни Эйнштейны, Ганди и Лютеры Кинги.

III

Средние века были «пиковым периодом» в истории религии, и для них характерна религиозная форма всех массовых движений. Исследуя совокупность экономических и социальных факторов, детерминирующих историческое событие, мы рискуем ничего не понять без учёта религиозного мифа. Крупнейшим примером реактивации мифа в Средние века были крестовые походы.

Они порождены первым кризисом западноевропейского феодализма и завоеваниями сельджуков, затруднившими доступ христианских паломников в Палестину. Успех идеи крестовых походов обеспечен реактивацией мифа об Иходе — о том, как Моисей вывел свой страдающий народ из египетского рабства в землю обетованную, обильную млеком и мёдом. Палестина XI–XII веков была бедной страной с выпаханнми нивами и несколькими городками: ни млека, ни мёда. Но тогдашней Европе Библия заменяла географию, и лучшие карографы помечали на краю ойкумены просто и со вкусом: «Гог и Магог».

На клермонском соборе 1095 года папа Урбан II, провозглашая первый крестовый поход, вещал: «Земля же эта, как гласит Писание, течёт млеком и мёдом. Иерусалим — это пуп земли, край плодоносящий по сравнению со всеми остальными, он словно второй рай. . . Он жаждет освобождения и не прекращает молитв о том, чтобы вы пришли ему на выручку. Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат».

⁹Базен Э. Во что я верю. М., изд. «Известия», 1984, с. 63.

Движение породило новую концепцию войны. По Августину, цель справедливой войны — защита правосудия, что означало прежде всего защиту жизни и собственности; теперь же христианский мир предпринимал поход в защиту веры. Рыцарский кодекс справедливой войны призывал к честности с противником, к хорошему обращению с мирными жителями, к уважению жизни пленных и заложников; все эти ограничения отбрасывались в войне против неверных она планировалась как война на истребление, и 15 июля 1099 года, взяв Иерусалим, крестоносцы начали трёхдневную резню, в ходе которой убивали женщин и мужчин, а детям просто разбивали головы о камни.

«Оправданием» такой войны послужил рассказ о завоевании Иисусом Навином земли Ханаанской, к-рая и теперь была целью похода. Книга Иисуса Навина, ветхозаветная воинская эпопея, послужила моделью крестовых походов.

Причиной их было завершение феодального раздела Европы и жажда свободных земель. Можно согласиться и с оценкой крестоносцев в «Восстании ангелов» А. Франса: «... но влекли их в далёкие страны на поиски новых земель, женщин, рабов, золота, мирры и ладана только алчность и жажда приключений». И всё же это плоское толкование. Обыкновенные грабители не смогли бы поднять сто тысяч человек и победить сельджуков. Именно реактивация мифа обусловила массовость первого крестового похода и слепой энтузиазм его участников; правда, он заметно остыл, когда «франки» убедились, что Святая Земля не похожа на рай, однако крестовые походы продолжались ещё сто семьдесят лет. Ибо для массового сознания подлинным раем было само пребывание в стихии ожившего мифа, счастье уверенности в правом пути и в награде. Этот восторг, зажигающий общим огнём многотысячные толпы, можно определить как переживание мифологической активности.

Спустя сто лет после взятия Иерусалима далеко от него, в Италии, началось францисканское движение, направленное против корыстолюбивой Церкви и состоявшее в непризнанном родстве с ересями катаров и вальденгов. Франциск Ассизский с восстановления капеллы св. Дамиана (1206) начал свою деятельность по восстановлению Церкви Христовой. Босой, одетый в рубище, в сопровождении своих первых двенадцати учеников, он отправился пешком из Ассиза в Рим. Слава бежала впереди него; у него были мозолистые руки плотника и глаза, полные грёз. Поведение этого поэта-мистика было «архетипическим». Ведь точно так же когда-то из гористой и неграмотной Галилеи шёл в Иерусалим другой Плотник со своими двенадцатью апостолами. Шествие бедняков из Ассиза, проповедовавших евангельские заветы нестяжательства и любви, обрастало по дороге огромными массами народа, видевшего в проповеди Франциска выражение своей собственной оппозиции, а в самом Франциске — живую реплику Христа; вот причина капитуляции папы и кратковременной победы Франциска.

В 1414 году в живописном баденском городке Констанц был созван собор, на котором сначала председательствовал Иоанн XXIII, «циник и развратник с противоестественными похотями» (определение К. Маркса), в прошлом — морской разбойник. Главную роль на соборе играл император Сигизмунд Пьяница, обманом заманивший в Констанц Яна Гуса,

а затем отрекшийся от своего слова и выданной Гусу охранной грамоты. 6 июля 1415 года Гус был сожжён как еретик. Когда набожная старушка подкинула в его костёр и свою вязанку хвороста, Гус только сказал «О, святая простота!» По смыслу это реминисценция слов Иисуса на кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лука, 23, 24). И после мученической смерти великого чеха, которого убили нечестивый первосвященник и император Иуда, на родине Гуса произошёл взрыв гигантской революции, в к-рой главную роль играли «евангелически-коммунистически-республиканские»¹⁰ секты. Прославленное наименование «таборитов» они получили от своей базы — горы Табор. Не мешает припомнить, что это латинизированное имя знаменитой палестинской горы Фавор, на к-рой согласно евангелию, совершилось Богоявление. Афонские мистики, так называемые исихасты, пытались увидеть «фаворский свет», а чешские повстанцы его зажигали сами: горящие феодальные замки разливали совсем иной «фаворский свет», озарявший повешенных на деревьях монахов.

В разгар гуситских войн нечто подобное произошло и во Франции. Разгромленная страна стояла на краю гибели, англичане и бургундцы владели Парижем, Карл VII сидел в Бурже и подумывал о бегстве из Франции. Дюпуа, осаждённый в Орлеане, держался из последних сил. Вдруг появилась семнадцатилетняя «пастушка из Домреми» и спасла свою несчастную родину.

Король и двор не были склонны доверять Жанне. В Пуатье богословы и юристы целый месяц допрашивали её, чтобы удостовериться, что она не колдунья. Они пришли к единодушному мнению, что Жанна — правоверная христианка. Её дали небольшой войско. Слух о крестьянской девушке, возглавившей королевскую рать, облетел измученную страну, и французские крестьяне, давно не верившие полководцам короля, толпами повалили к Жанне. В короткое время под её знамя собралось десять тысяч человек; англичане были разбиты, Орлеан деблокирован, и Жанна повела французов на Париж и Шампань.

Что же, собственно, произошло в ту прославленную весну 1429 года? Французская монархия потерпела полное поражение в Столетней войне. Стрелки святого Георга, вольные английские йомены со своими длинными луками посрамили заносчивых французских рыцарей. Национальное спасение Франции заключалось только в народной войне. Но возглавить такую войну не могли ни презренный «буржский король», ни его феодальное окружение. Народ должен был выдвинуть своего вождя, наделённого чертами исключительности.

Ожидания народа породили «комплекс спасительницы» в экзальтированной душе Жанны. Её вера в свою миссию передавалась народу. Столь полное соответствие — большая редкость в истории. У англичан были полководцы с громадным боевым опытом, и в чисто военном измерении любой из них был сильнее Жанны. Но есть сила, побеждающая любых стратегов и тактиков: это оживший миф.

«... Среди поразительных качеств Жанны её девственность казалась самым необычайным. Это был сам по себе исключительный факт, так как крестьянские девушки рано выходили замуж и дарили какому-либо первому счастливому любовнику то, что с помощью

¹⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VI, с. 224.

поэтического эвфемизма именуется бутонем юности. Но девственность Жанны представляла собой нечто большее, чем социальную редкость. Тесно связанная с сознанием высокой миссии, к-рой Жанна преданно служила, эта девственность сближала её вопреки её собственным намерениям (так как Жанна была очень скромна) с Богородицей Девой Марией»¹¹.

Успех Жанны был основан не только на её личной доблести, но и на стихийной реактивации великого мифа. Миллионы крестьян усмотрели в Жанне сходство с Марией и назвали её «Орлеанской Девой». Возможно, самые тёмные и наивные видели в ней тайно сошедшую с небес Богородицу. Её победа над Орлеаном, освобождение Труа, организованная ею в Реймсе коронация Карла VII воспринимались народом как чудеса, доказывающие, что Бог, действуя через Жанну, помогает французам против англичан. Возник тот боевой дух народа и армии, к-рый Лев Толстой будет считать решающим военным фактором. Всеобщая депрессия и уныние французов сменились национальным подъёмом, в к-ром стимулирующую роль играло переживание мифологической активности, т. е. всенародного творения истории — самое возвышающее из доступных человеку переживаний.

Мадонна в рыцарских латах, восходящая на стены крепостей во главе штурмовых колонн, совсем не похожа на ту кроткую еврейку, что принесла миру Спасителя. Но таково важнейшее свойство больших мифологических моделей — с каждой новой исторической эпохой принимать соответствующую ей форму. В 1871 году это будет героиня коммуны, учительница-анархистка Луиза Мишель, прозванная «Красной девой Монмартра», а ещё через семьдесят лет — русская монахиня мать Мария, казнённая в Равенсбрюке.

Дева Мария стала одним из вечных образов, с помощью которых человечество осмысляет своё бытие; осмысление же это — необходимое условие большого исторического деяния. Ибо когда народ «чувствует», что он творит историю (а он это делает не каждый день), то силы его удесятерятся, и перед ним пасуют любые Наполеоны.

¹¹ Данэм Б. Герои и еретики. М., 1984, с. 282 – 283.